

Валентина Осколкова

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №:

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Жили
книжные дети,
не знавшие
битв...

17 МГНО- ВЕНИЙ ИЮНЯ

в который всё
пошло кувырком

...Изнывая от мелких
своих катастроф.

Валентина Осколкова

Семнадцать мгновений июня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67795874

SelfPub; 2022

Аннотация

Лизе Гальцевой четырнадцать. Бросив всё, она вынуждена переехать в городок Энск – так уж решили родители.

Мише Холину из Энска – пятнадцать, и они похожи с Лизой, словно близнецы.

Афганской надписи, выгравированной на найденном ими ноже, – тридцать.

Казалось бы, тут всего делов: узнать, что это за нож, да отыскать для надписи переводчика... попутно ненароком выдав себя за братьев. Вот только где-то рядом тихо сходит с ума хозяин ножа, ветеран забытой всеми войны – и хорошо бы ребятам не опоздать в своих поисках.

Июнь в Энске обещает быть жарким.

Рукопись победила в конкурсе детской и подростковой книги от ЛитРес (2022 г.), вошла в лонг-листы V конкурса «Новая Детская Книга» издательства Росмэн и «Книгуру-2017».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Близнецы из зазеркалья	11
Глава 2. Востоковедение	23
Глава 3. «Эх, лирика, школьные годы!»	38
Глава 4. Ваш выход, товарищ Штирлиц	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валентина Осколкова

Семнадцать

МГНОВЕНИЙ ИЮНЯ

*Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф...
Владимир Высоцкий*

Пролог

Хоть мой рассказ пойдёт не совсем обо мне, я не могу начать его иначе, кроме как с самого что ни на есть чистосердечного признания в любви.

Я люблю этот город – с его порога. Опустевшие в столь поздний час прилавки, глухой железнодорожный забор за пышными кустами, небо с проклёвывающимся звёздами... запах пельменей из ближайшего распахнутого окна и прилипчивый мотивчик, доносящийся от круглосуточного магазина неподалёку.

Люблю куда больше Москвы – конечно, и в ней есть свои прелести, но зато здесь тихо, зелено и... нет, разумеется, не скучно.

Просто надо глубоко вздохнуть – и ни-ку-да не торопиться.

...В вечер моего прибытия на автостанции было безлюдно – последним рейсом возвращались человек пять из Москвы после рабочего дня, а кто их тут будет встречать? Спрыгнув на асфальт, я поправил на плече ремень спортивной сумки, огляделся и, присев на край бетонной клумбы, расшнуровался. Разувшись же, с удовольствием пошевелил пальцами ног, связал кеды шнурками и повесил их себе на плечо, чтобы не занимать руки.

После долгой разлуки в любимый город стоит входить,

чувствуя босыми ногами тепло нагретого за день шершавого асфальта и лоя щекой летний ночной ветерок. Ну а напороться пяткой на осколок... не велика беда.

– Эгей, Холин! Глазам не верю, кто вернулся!

Меня догнали и с размаху хлопнули по плечу – даже в локте отдалось.

– Чего молчал-то, партизан московский? Свалился как снег на голову!

– Привет, Сань! – Я обернулся и крепко прихватил ладонь вынырнувшего словно из ниоткуда друга. – Да уж, снег в июне...

– Метеорологи в шоке, ага! – продолжал расплёскивать незамутнённую радость Саня по прозвищу Шумахер. – Недолго же ты выдержал в этом вашем Москвабаде.

– Ну вот так уж судьба сложилась.

Тоже мне «недолго»... По мне так сущую вечность.

– Похоже, московские периоды всё короче? – ухмыльнулся Саня, и в свете уличного фонаря я отметил новый скол на верхнем резце и свежевыбритые виски. А вот чёлка ещё отросла с прошлой встречи, натуральный чуб.

– Да надоело, Сань. Так что всё, в этот раз документы из московской школы уже забрал, – сообщил я со вздохом. – Опять с тобой за одной партой торчать придётся. Как буду готовиться к поступлению – не представляю...

– А я хорошо представляю: бабуля твоя на тебя насядет – и тут-то ты всё, что там тебе знать надо, наизусть вызубришь!

И всю литературу до кучи, от Пушкина и до... кто там у нас самый поздний?

Я честно попытался припомнить.

– Хм... до Бродского?

– А он чё там написал? «Отца и дети»?

С выразительным вздохом я закатил глаза – Шумахер неисправим. Машину починит с закрытыми глазами, двигатель внутреннего сгорания по памяти нарисует, маршрут через весь город не хуже навигатора проложит, а вот всё, что касается высокого мира искусства – уже за пределами его понимания.

Но мы всё равно дружим почти всю жизнь.

– Он поэт вообще-то. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку», помнишь?

– А-а, ну вот, видишь, ты и так уже всё знаешь!

Под этот бессмысленный трёп мы прошагали мимо всех автобусов и остановились на краю освещённого последними фонарями-прожекторами круга. Дальше – уличная темнота.

– Литература – полдела, – терпеливо объяснял я. – Ты бы видел список фильмов, которые мне надо будет отсмотреть... И никаких сериалов, представь себе, сплошная чёрно-белая классика.

– А тот с Суперменом, который в чёрно-белой версии вышел, не прокатит?

– Увы.

– Да ладно тебе, расслабься! У нас ещё два года впереди,

ты что-то раньше времени панику наводишь.

Я только покачал головой. Сане легко говорить – он ещё даже не решил, куда поступать будет. А у меня план на два года расписан...

Потому что родители в этом точно никак мне не помогут – всё в моих руках.

– А ты здесь какими путями? – поспешил сменить тему я.

– Да батю встречаю на колёсах, – друг кивнул в сторону своей нивы, белый бок которой подпирал с понимающе улыбкой её формальный хозяин, Санин отец. Ну да, я мог бы догадаться, вместе же с ним ехали от МКАДа. – Подкинуть тебя?

Задумавшись на секунду, я отклонил гостеприимное предложение.

Саня всколыхнул в душе слишком много, от бывшего лиричного настроения остались жалкие крохи...

Неспешная прогулка до дома займёт минут тридцать – как говорится, то, что доктор прописал для соскучившегося по родному городу меня.

Саня не стал разубеждать – кивнул не то чтобы с пониманием, но с уважением к моему выбору, распрощался, ещё раз сверкнул щербатой улыбкой... и с диким рёвом, более приличествующим танку на марше, белая нива умчалась прочь. А я остался, нелепо улыбаясь вслед.

Хотелось закрыть на секунду глаза и вобрать в себя это мгновенье, бережно сложить в памяти, чтобы потом вспоми-

нать его и снова так же нелепо улыбаться.

А лучше – собрать целую коллекцию таких мгновений, одно за другим, как мозаику этого июня. Одного бесконечного летнего дня.

... Может, подумалось мне, пока я шагал по тёмной улице, пусть родители и дальше строят личную жизнь – то ли каждый свою, то ли опять общую. А я... Своим домом я считаю старую «двушку» на первом этаже, с окнами на тихий зелёный двор, где время словно застыло – всё так же полощется на ветру бельё, скрипят единственные качели, а в квартире с порога пахнет дедушкиным коронным блюдом «Я вам тут суп сварил, ну как из чего, что в холодильнике было, с тем и сварил!», и повсюду разбросаны выкройки кукол и листочки с бесконечными школьными сочинениями.

Годы проходят, а бабуля всё так же сидит над ними по вечерам, задумчиво катая по столу красную ручку.

Это был мой дом, где я жил – по-настоящему жил, дышал и был счастлив, а не «существовал», как в Москве. Так было – с самого дошкольного детства – и пусть так и будет дальше... Я слишком люблю этот город – за нашу «двушку», за застывший во времени двор, за Шумахера с его белой нивой, ребят-роллеров в парке, за всё то, что делает Энск – Энском.

... За спиной басовито гавкнула собака, зарычала, срываясь в скулёж, кто-то на кого-то «наезжал», нецензурно через слово, а я лишь усмехнулся и зашагал быстрее. Я даже такие разборки люблю... пока они меня не касаются, разумеется.

Там, позади, что-то брякнуло, падая на асфальт, со звуком холостого выстрела захлопнулось окно, но я не придал этому значения. Наверное, зря, но откуда мне было знать, согласитесь?

Отойдя уже метров на сто от того места, я остановился, хлопнув себя по лбу. Являться домой без гостинцев после трёх месяцев отсутствия – как-то негоже... Пришлось возвращаться к автостанции, а точнее к призывно светящему витриной магазину. Разумеется, уместающийся в срок годности торт с кремовыми розочками там ночью не раздобыть, но и дураку понятно, что к чаю лучше банка моих любимых консервированных персиков и кулёк конфет, чем вовсе ничего.

Торопясь, я впотымах налетел ногой на что-то острое, глухо звякнувшее, откатываясь прочь, – и зашипел сквозь зубы не самые приличные слова. Но разыскивать таинственную железяку не стал, легкомысленно выбрасывая этот досадный эпизод из головы.

И вновь – зря.

Глава 1. Близнецы из зазеркалья

Мгновение первое

Та история, о которой я хотел бы рассказать – отвлѣкшись на Энск и моё сюда возвращение, – началась на следующий день после приезда, в булочной. Самой обычной, притулившейся на углу номерного проезда и Советской улицы булочной, где хлеб первые полчаса пахнет так притягательно, что невозможно дойти до дома, не сгрызя горбушку по треть батона.

Лизу я там заметил с порога и сразу понял – Москва. И дело было не в одежде, скорее уж в том, как она смотрела по сторонам, как нервно сжимала кошелѣк с белым брелком-коштѣнком, как обращалась к продавщице, отвлекая ту от ежедневных кроссвордов. Другой ритм, другие манеры, другие отношения – одним словом, столица.

Моей гордостью всегда было то, что Энску я – свой. Не приезжий, а наоборот, загостившийся где-то и наконец вернувшийся «блудный сын».

...В этот момент Лиза обернулась, почувствовав взгляд.

Она смотрелась моей ровесницей или чуть младше; короткая косичка, едва достающая кисточкой до лопаток – того цвета, который бабушка зовѣт «рыжий в золото», моего цвета! – дополнялась внимательными серыми глазами, прямым строгим носом и настороженной, чуть мальчуко-

вой улыбкой. Пожалуй, только жители крупных городов могут так улыбаться – обозначая вежливо-напряжённую улыбку самым краешком губ.

Я прошёл мимо девчонки, звонко ссыпал горсть мелочи в тарелку у кассы и педантично уточнил у продавщицы:

– Здрасьте, ТамарВасильна, хлеб-то свежий?

Вопрос был ритуальным. Продавщица подняла на меня голову и улыбнулась, узнавая.

– Утром завезли, – столь же ритуально отозвалась она. – Вернулся, значит? Что там тебе... батон и бородинский в нарезку?

– В точку, – подтвердил я сразу всё, краем глаза следя за девчонкой. Та пересчитывала сдачу, одновременно с этим пытаюсь не выронить из рук кругляш «столичного», всё тот же батон и три плюшки в пакете. Потом она шмыгнула носом раз, другой, оглушительно чихнула, и из рук её просыпались сначала плюшки, потом кошелёк, а следом и батон коварно выскользнула из-под локтя.

Я отточенным движением закинул свой хлеб в капюшон жилетки и, осторожно наклонившись, помог подобрать покупки.

Сразу уточню: не имея и в мыслях ничего романтического.

– Спасибо, – наградила она меня вновь своей нейтральной московской улыбкой. Голос у неё оказался хриплым, простуженным.

– Пжалста, – весело ухмыльнулся я по-местному, от уха до уха. – Ты бы пакет попросила, выронишь ещё.

– Спасибо, – повторила девочка, на сей раз строгим тоном, который, вероятно, должен был отпугнуть меня от его обладательницы.

Я подмигнул, девчонка резко отвернулась... и впрямь попросила пакет.

В этот момент я мог бы уйти со спокойной душой, и несколько, наверное, вновь услышал бы о Лизе, но меня остановило неясное ощущение, что что-то тут не так. Словно смутное чувство узнавания – самого себя, как это бывает, когда листаешь старый семейный фотоальбом... или когда вглядываешься в зеркало и пытаешься разыскать тонкую грань, отделяющую тебя от зазеркалья, а твой близнец столь же пылливо выглядывает оттуда.

Придержав девочке дверь, я сдался себе и любопытствовал, как её зовут и давно ли из Москвы. «Лиза», – представилась она и тут же с подозрением уточнила, откуда я узнал про переезд. Я с глубокомысленным видом изрёк: «Интуиция», – и беседа завязалась.

На улице стоял обычный июньский день – крикливо-кипящий жизнью вдалеке, чирикающий на все птичьи голоса над головой, только-только начинающий пахнуть свежей клубникой. Улица Советская спускалась впереди к реке, и оттуда налетал прохладный ветер, полный запаха мокрого песка, водорослей и, немного, бензина – от лодок и стоящих

на берегу «дачных» машин.

Мы с Лизой болтали, словно были старинными приятелями, а может, и родственниками – этакими троюродными братом и сестрой, полдетства копавшимися в одной песочнице, но с тех пор давно не встречавшимися – а тут такая удача.

Остановившись у зеркальной витрины парикмахерской с очередным женским именем в названии (это вам не московские «имидж-студии» и прочими «салонами красоты»), Лиза поправила на голове ободок, придерживающий отрастающую чёлку, и вдруг сказала:

– Слушай, а ты похож на меня.

Я внимательно взгляделся в наши отражения в витрине и подмигнул Лизиному:

– Не-а. Косичек не ношу.

– Напряги воображение! – возмутилась Лиза.

– Неохота. Ты сначала косичку отрежь, а потом уже говори.

Стоит сказать, тут я немного покривил душой, ведь пару лет назад сам носил хвостик – и прекрасно видел, что Лиза права.

В голову нет-нет – да и закрадывались достойные индийского кино сценарии про разлучённых в детстве близнецов... Хотя нет, Лиза меня младше.

Ну хорошо, тогда разлучёнными в детстве близнецами, значит, окажутся наши отцы. Или матери. Или дедушки. Или...

Одним словом – да.

Похож.

Вы когда-нибудь представляли самого себя «противоположного пола»? Глядя в ростовое зеркало на створке бабушкиного шкафа, корча положенные «противоположному полу» гримасы и чувствуя себя отчасти психом.

Детский сад, я знаю, но всё же...

Возможно, как раз такую девчонку я себе когда-то и нафантазировал – с косичкой, придерживающим зачёсанную чёлку ободком, в клетчатой рубашке и пышной юбке-балеринке.

А потом этот образ взял – и сбылся.

...Лиза рассеянно дёрнула себя за конец косички, опять чихнула и вдруг хрипло выдохнула с удивительной решительностью:

– А спорим – и отрежу?

Я демонстративно усомнился.

Лиза настаивала, задиристо хмуря брови, прям как это обычно делал я.

В её глазах на секунду мелькнули сущие бесенята, которым я в тот момент не придавал должного значения – и только хмыкнул. Лиза вспыхнула, чихнула и смешным простуженным голосом заявила, что сделает это вот прямо сейчас.

Бесенята в её глазах лихо отбили чечёточную дробь и снова скрылись.

– На что спорим? – вздохнул я, не желая так просто сда-

ваться.

– На... – Лиза задумалась и довольно заключила: – На желание!

Мы ударили по рукам, после чего Лиза мигом сунула мне пакет с хлебом, высморкалась, скомкала в руке бумажный носовой платок и решительно толкнула дверь.

Звякнул колокольчик.

«...Как постричь? Да вот чтобы в точности как у него, видите!.. Да, под мальчишку. Совсем под ма-а-апчхи... мальчишку! Нет-нет, не вот так, а во-он так! Нет-нет, тут покороче, ещё покороче!» – донеслось вскоре до меня.

Ждать мне пришлось не так уж и долго – я только успел пролистать с телефона ленту московских друзей, оставить короткое «Скучаю((» под записью Даси, моей девушки (не то чтобы в самом деле скучал, но Дасе приятно будет), оглядеться по сторонам и обгрызть белую горбушку. В этот момент меня подёргали за рукав, и я обернулся.

– О.

Немного подумав, я ещё похлопал глазами и глубокомысленно повторил:

– О-о...

– Ну как? – Лиза силком развернула меня к витрине, и я моргнул, пытаясь прогнать ощущение, что в глазах двоится.

Из витринного зазеркалья на меня смотрел я сам – в двух экземплярах. Второй экземпляр казался помладше, уже в плечах и обладал чуть повышенной лохматостью, но...

Вылитый я.

«Младший» шмыгнул носом, подмигнул мне нахально и спросил:

– Ну что?

Бесенята, уже не скрываясь, взирали на меня с нескрываемым превосходством.

– Проспорил, – смирился я, поворачиваясь к Лизе и внимательно рассматривая своё второе отражение «вживую». С новой причёской и впрямь было непросто на первый взгляд узнать в ней девочку, а ведь подумаешь, какой мелочью казалась косичка. Немного поразмыслив, я всё-таки уточнил: – А родители тебя не убьют? За мальчуковый вид и всё такое?

Лиза аккуратно зачесала вихры ободком, сразу приобретая положенный девчачий вид, и усмехнулась:

– А что такого?

– Ну-у, тебе, конечно, видней...

По Лизкиному лицу скользнула внезапная – и так знакомая мне – тень.

– Да сами виноваты. – Лиза на мгновение отвела взгляд. – Я сколько раз грозилась: переедем – отрежу!.. Ну и вот. Переехали.

– Могёшь, – оценил я, и мы, крайне довольные друг другом, звонко хлопнули ладонями, «давая пять», и пошли дальше по улице – куда глаза глядят и ноги несут.

Наша мифическая родственная связь сократилась примерно до «кузенов», солнце заливало улицу, и было нам обо-

им хорошо и просто вот так идти по городу. Лиза рассказывала о своей судьбе, о «побеге из мегаполиса» начитавшихся умных книжек родителей, оставшихся в Москве друзьях, о том, как простыла при переезде – продуло в машине. А ещё о надежде, что рано или поздно мама одумается и отговорит папу оседать здесь на ближайшие пару лет...

Между делом выяснилось, что Лиза учится на класс младше меня, перешла в девятый, но реальная разница в возрасте была ровно полгода. Я родился в феврале, она – в августе.

Ноги нас занесли к переулку, сворачивающему к Вокзальной площади, как гордо именовался пяточок у одноэтажного здания с претенциозными колоннами, совмещающего в себе роль железнодорожного вокзала и автостанции разом. Пройдя шагов двадцать, я почувствовал, как заныл заклеенный пластырем большой палец на ноге, и принялся оглядываться по сторонам.

– Что ищешь? – поинтересовалась Лиза.

– Ногу вчера где-то здесь порезал о железяку. Выкинуть её подальше надо, пока кто из мелочи не наступил, как я.

Лиза с сомнением оглядела пышные кусты шиповника, усыпанные бледно-розовыми тарелочками цветов.

– Ну, давай поищем... ауч! – Она смешно потёрла нос, оцарапанный коварной веткой, стоило наклониться к ароматному цветку. – Надеюсь, лезть туда не придётся?

– Надеюсь...

Остановившись примерно в нужном месте, мы начали

внимательно обшаривать обочину, даже не догадываясь, что же найдём и как это скажется на всём нашем беспечном летнем отдыхе.

– Глянь! Что это? – удивлённо окликнула меня Лиза, и мы, столкнувшись головами, наклонились над весьма странной вещью.

Лизиной находкой оказался нож, крупный, даже на вид грозный, но неудобный – со слишком уж массивной рукояткой из зелёного рифлёного пластика. Потёртый, с выщербинкой у гарды и загадочным отверстием посередине рукояти.

– Ни-че-го себе-е... – протянула Лиза растерянно. – Что же это такое?

– Нож, – отозвался я в духе Капитана Очевидность. Поднял находку и повертел в руках. – М-м, острый!

И поспешно засунул порезанный палец в рот.

Что за злой рок? Опять пострадал большой палец на правой – только теперь руке.

– Ничего себе, – повторила Лиза, восторженно шмыгая носом. – Это же наверняка холодное оружие! Откуда он здесь?

Я вспомнил вчерашний вечер, глухое звяканье упавшего предмета за спиной и предположил:

– Обронили?

– Наверное... Интересно, чьё это? – Лиза забрала у меня нож и принялась вертеть в руках. – Ой, глянь, а в рукоятке

пряма совсем дырка!

Рукоять ножа и впрямь оказалась полой. Я поковырялся там пальцем, посмотрел, осветил телефонным фонариком, но так ничего и не понял.

– Странно, как будто там устройство какое-то было... Надо в интернете глянуть.

Лиза быстро глянула на меня, и я еле сдержал улыбку: неужели она думала, что здесь дикари живут и интернетом пользоваться не умеют? Окончательно поражая Лизино воображение, я аккуратно положил нож на дорогу и сфотографировал его на телефон.

– Поиск по картинке нам в помощь!

– Ловко, – оценила Лиза и, по всей видимости, перетекла мыслью от интернета к дому: – Ой, мне же пора! Я возьму его с собой? – И, не дожидаясь моих возражений, добавила главный аргумент: – Ты мне желание проспорил!

Скрепя сердце, я согласился. Конечно, я и сам хотел поразглядывать нашу находку, но проспоренное желание обратно не повернёшь, делать нечего.

– Ты «ВКонтакте» кто? – развила Лиза бурную деятельность.

– Михаил Холин, – тут же отозвался я. – На фотографии я сам в детстве с бабушкиной сайгой. Ну, ружьё такое, знаешь?

– С ба-абушкиной?! – изумилась Лиза и хихикнула. Я тоже рассмеялся: бабуля у меня, несмотря на шитьё кукол и пироги по настроению, была совсем не классическая, а очень

даже боевая. Кукол своих она, впрочем, тоже обряжала в костюмчики цвета хаки и лихие банданы. Ученики в школе, где она преподавала русский язык и литературу, её и её кукол обожали и побаивались.

А супы варил дед.

– В общем, найдёшь, не промахнёшься, – заключил я, но Лиза ждать до дома не захотела и тут же с телефона полезла искать.

– Эй, тут всегда сеть так тормозит, а?!

Я пожал плечами:

– Нет, у реки сигнал гораздо лу...

– О, нашла! Смотри, это ты?

Я мельком глянул на бликующий экран и кивнул:

– Похож... Так что пиши, там, если что.

Куда всё моё красноречие потерялось? «Ты заходи, если что», – как говорил волк в советском мультике.

– Ага! Обязательно напишу, как только до вайфая доберусь.

Лизин энтузиазм брызгал, почти как у Шумахера.

– И посмотри, может, что ещё у ножа обнаружишь. А я пока по фотографии гляну.

– Давай! – Лиза улыбнулась, в который уже раз чихнула и отчаянно зашмыгала носом. – Слушай, а как отсюда на Советскую вернуться? А то карты сейчас точно не подгрузятся...

– Вон туда! – Я махнул рукой в сторону, откуда мы при-

шли. – И направо, увидишь там. А я дворами срежу, мне так удобней.

Не было никакой заминки из тех, что случаются при прощании малознакомых людей. Нет, мы с Лизой помахали друг другу и разбежались каждый в свою сторону с уверенностью, что ещё не раз друг друга увидим. Хотя бы до тех пор, пока не разберёмся с нашей находкой.

Впрочем, тут мы были совершенно правы. Наша история только начиналась.

Глава 2. Востоковедение

Вечером того же дня я валялся с планшетом на скрипучем диване и шерстил интернет в поисках более подробной информации о «ноже разведчика» и «ноже разведчика стреляющем». Именно так двойко расшифровал мою фотографию поисковик.

Лиза была верна своему слову и добавилась ко мне в друзья, как дошла до дома, но потом пропала из сети без следа. На её странице «ВКонтакте» интересного оказалось немного: пара десятков фотографий на фоне цветов, пальм и вечерних мостов через Москву-реку, репосты популярных цитат, умильных котиков и ехидных стишков-пирожков, ну и закреплённый пост с жалобным «Не теряйте меня!» и плачущим смайликом – самая обычная страничка, одним словом.

В ожидании, пока Лиза появится в сети, я прочитал всё, что нашёл, про НРС (а заодно НР, НР-2 и НРС-2 – вот уж напридумают военные, а нами разбираться!), вплоть до объявлений о покупке на каком-то форуме. Единственное, чего нельзя было вывести из прочитанного – так это что же мы всё-таки нашли, стрелял ли раньше этот нож или полость в рукояти предназначалась для «набора выживания».

Размышляя над этим вопросом, я в сотый раз рассматривал фотографию, кляня свой не слишком «многомегапиксельный» телефон за качество снимка, а планшет за треснув-

ший экран, изрядно осложняющий чтение; регулярно проверял, не появилась ли Лиза в сети, и грыз сухарики, обнаруженные в кармане так и неразобранной московской сумки.

Время шло. Дед на кухне гремел сковородкой, жаря картошку, бабушка сидела с ним и смотрела телевизор, критикуя действия политиков и сдержанно хваля какого-то: «Брежет, ей-богу, брежет, соловьём заливается, но мысли-то здоровые...»

Когда я уже потерял всякую надежду, Лиза вдруг написала – и дальше принялась засыпать короткими сообщениями:

«Привет! С мамой ходили покупать шторы, извини».

Смущённый стикер-котик.

«Как поиски?»

«Нашёл что-то?»

Котик с лупой.

«Глянь, что я нашла!» – и фотография клинка крупным планом. От гарды вдоль заточки шла надпись:

«АУБ ОТ АТК ТЕРАТ | У83»

А дальше какая-то непонятная арабская вязь.

«Что думаешь?»

Я честно ответил, что не знаю, обещал ещё подумать и пошёл на кухню – дед звал ужинать. Разговор с Лизой пришлось отложить до позднего вечера.

Наша беседа продолжилась, когда я уже уютно устроился под пледом и готовился отходить ко сну. Лизу история с ножом зацепила невероятно, и она всё закидывала меня всевозможными теориями о том, откуда нож взялся на обочине дороги, кто его хозяин и что может значить гравировка. Я коротко сообщил, что нож – НР/НРС, военный, холодное оружие – при мысли о том, что это не понарошку, по позвоночнику побежали мурашки: а вдруг кто-то найдёт?!

«Лиз, спрячь получше!»

Герат, как нашла Лиза, располагался в Афганистане, но что означают «АИБ ОТ АГК» и «У8З» (или «У 8З», или «483», или «98з», или...) – мы не знали.

Исчерпав все идеи, Лиза перешла в разговоры «о жизни», начала рассказывать про московских друзей, мечту поступать на исторический в МГУ и семейные неурядицы. Я читал, хмыкал и улыбался, отвечая по большей части смайликами.

«А у тебя есть девушка?» – вдруг спросила меня Лиза.

«Есть», – не стал отпираться я. Согласился, что красивая, умная и любит тот же сорт мороженого, что и я – фисташковое. Зовут Дарьей, можно Дасей, но никак не Дашей, и живёт она в Москве.

«Любишь её?»

Ответ был очевиден, но я почему-то медлил.

– Ну, она же моя девушка! – написал я в конце концов со смущённым смайликом.

– Ну и что, – быстро напечатала Лиза. – У нас половина девчонок с кем-то встречалась. Но это не про любовь, просто чтобы хоть с кем-то. Чтоб статус на странице, фотки, цветочки, на вечеринку пойти и вот это всё. А то типа неудачницы.

– Так везде, добро пожаловать во взрослый мир.

– Но ты-то свою девушку любишь?! Ты вроде нормальный... Хороший.

Я смутился.

– Люблю, люблю, – поторопился я успокоить Лизу.

Почему-то в её глазах очень хотелось быть хорошим.

– Круто, – ответила Лиза. И добавила внезапно: – Любить может только по-настоящему решительный человек.

– Почему?

– Ну ведь это какая храбрость нужна, чтобы решиться быть вместе несмотря ни на что. Даже после переезда.

Решимость и храбрость с Дасей?

Ну-ну. Скорее привычка... Нам просто хорошо.

К моему большому облегчению, от этой слишком личной темы Лиза легко соскочила обратно на нашу находку и после некоторых раздумий спросила, а есть ли у меня кто-нибудь, кто сможет прочитать арабскую надпись, и я, подумав, вспомнил вдруг об Арабе.

Стоит сказать, что Араб в нашем городе был личностью своего рода легендарной. Поговаривали, что он завязан с бандитами, со спецслужбами, с инопланетянами; что у него отец то ли профессор, то ли дипломат, то ли известный ху-

дожник, то ли у него отца вовсе нет, и вообще Араб – внебрачный сын какого-то нефтяного шейха... Слухов, самых различных, диких и правдивых, ходила масса. Достоверно было известно только то, что у Араба была здесь своя компания, с которой он катался на роликах по городскому парку, и мастерская, где набивал тату, чинил ролики и рисовал потрясающе стильные портреты тушью – одним росчерком кисти.

О родителях своих Араб не говорил, вероятно, из сострадания к тем, кто распускал о нём все те дикие слухи, дабы ничего случайно не опровергнуть, а если и упоминал вскользь – то выдавал настолько противоречивые пассажи, что сомнений не оставалось: всё, что он говорит, он сочинил только что.

А ещё он знал кучу всяких экзотических по меркам обывателям языков, типа японского, монгольского или хинди. Ну и не зря же его звали Арабом – арабский он, разумеется, знал тоже.

Было ему где-то меньше тридцати, но точно больше восемнадцати. Не такой уж и высокий, но точно выше среднего. Для русского – смугл и черняв, но точно не «татарин». Вполне открытый, но точно не ближе, чем в рамках отношений мастер-клиент – попытки завязать дружбу им попросту игнорировались.

Сплошное «но»...

Выбирал он себе друзей исключительно сам, по каким-то

одному ему известным принципам. Звал кататься на роликах, охотно откликался на просьбы и всегда был рад видеть... Одним из таких «избранных» был и я. Не то чтобы мы с Арабом подружились после того, как он меня первый раз позвал кататься, – вовсе нет, я с некоторых пор ролики не очень любил... но Араб про меня не забывал.

Если кто и мог помочь в расшифровке надписи – то только он.

Отвечая Лизе короткое: «Да, есть один знакомый», – я вдруг спохватился, что по понедельникам Араб имел обычное дело куда-то уезжать на весь день, на завтра я договорился с Дасей погулять по Москве, а сегодня, как назло, уже суббота...

Может, перенести встречу с Дасей?

Да как вообще такое могло мне прийти в голову! И так чуть не поссорились, когда объявил о своём переезде, и только клятвенные заверения, что наши воскресные прогулки никуда не денутся, ей успокоили.

Как она воспримет моё «Извини, другие планы, а какие, сказать не могу, долгая история»? Да понятно, как... а женских слёз я на дух не выношу. Тем более по телефону.

Нет уж, решил я. Дася – моя девушка, а с Лизкой мы знакомы меньше суток. Тут даже сравнивать нечего.

...А значит, встреча с Арабом откладывалась по меньшей мере на два дня, что никак не могло обрадовать Лизу. Пришлось сказать ей об этом сразу, пока она не начала плани-

ровать.

Лиза молчала долго, только то и дело мелькала пиктограмма карандаша в поле сообщений, сигнализируя, что мне порываются что-то написать, но каждый раз останавливаются. Наконец, она коротко спросила, нету ли других вариантов – но, увы, оных не было.

Других таких знакомых, как Араб, у меня нет.

А в интернет фото ножа выкладывать точно нельзя...

За распахнутым окном вдруг зашелестел по кустам дождь. Тут же повеяло ночной летней сыростью – как по щелчку.

Природа, отправив всех на ночь спать, принимала душ, словно бы напевая при этом незатейливую песенку, которую дождевые капли отстукивали по карнизу. Переменчивый ветер то взмахивал тюлем, так что до меня долетали брызги дождя, то стихал, то принимался мерно колыхать занавеску, будто я перенёсся в подводное царство.

Скрипнула дверь, и ко мне вошла бабушка, ворча, что нечего полуночничать и глаза ломать с планшетом, а то до полудня меня потом не добудишься. Гордо и несгибаемо прошествовав мимо меня, бабуля сердито захлопнула окно, оставив для «свежего кислорода» одну форточку, погрозила мне пальцем и – осталась стоять, ожидая, пока я не выключу свою слишком маленькую для здорового зрения технику. Местная-то «машина» красовалась подаренным моими родителями двадцатидюймовым монитором, за временной ненужностью прикрытым прабабушкиной ещё кружевной

салфеткой – включался компьютер, только когда дед садился писать очередную статью, а последнее время он это делал редко.

С показным вздохом я послушно погасил дисплей и отложил планшет на тумбочку в изголовье дивана. Спорить с бабулей на ночь глядя было бесполезно – она слишком хорошо меня знала и слишком ответственно относилась к миссии по моему воспитанию, с которой, на её взгляд, родители мои категорически не справлялись, да и не могли справиться по определению.

Удовлетворённая моей покладистостью, бабушка пожелала мне спокойной ночи и удалилась, а я спустя пару минут вернулся к переписке.

«Ну раз уж мы с тобой так похожи, – писала мне Лиза, – может, я схожу к твоему Арабу за тебя? Завтра?»

Это предложение выглядело таким бредовым, что я растерялся и просто не нашёл никаких на это конкретных возражений. А Араб не захотел бы разговаривать даже с кровной моей сестрой, будь она у меня, девочек он считал чем-то недостойными серьёзных разговоров, а на любые аргументы насчёт «женщина тоже человек» только отмахивался, что пусть ему это делом кто-нибудь докажет.

Поговаривали, что всё это от неразделённой любви. Но к кому – тут показания расходились... как всегда, когда речь заходила о его биографии.

Так что Лизу он слушать не станет, это понятно. Но пока

я подыскивал аргументы, как-то помимо моей воли возникла договорённость, что мы встретимся завтра в десять утра у булочной, и я всё Лизе объясню... или это она мне всё объяснит. И переубедить Лизу не было уже никакой возможности – моя новаяявленная «кузина» оказалась егозой с самым острым шилом, какое только может быть.

Зря, ох, зря я не обратил внимание на бесенят в её глазах!..

Впору было пожалеть, что вообще во всё это ввязался... но меня начало клонить в сон, и саможаление растворилось в сумраке комнаты.

Спал я ночью беспокойно, переживая за себя, Лизу, Дасю, Араба и неведомого нам хозяина ножа, а вскочил в семь и увязался за дедом бегать по кварталу.

Наматывая седьмой круг по протоптанной дорожке, то и дело задевая ветки кустов, окатывающие меня прохладным дождевым душем, я успокоился и вспомнил, что впереди меня ожидает полдня неспешных прогулок от Крымского моста до Красной площади, а оттуда ещё куда-нибудь, и всё в компании лучшей девушки во вселенной. От этих мыслей мир приобрёл такие радужные тона, что я оставил деда висеть на турнике, пачкая руки в крошащейся краске, а сам отправился завтракать, так как аппетит разыгрался вдруг зверский.

Мгновение второе

К булочной я подошёл, когда часы у меня на запястье по-

казывали без минуты десять.

Лиза меня уже поджидала, нетерпеливо грызя бублик. Оглядев её с ног до головы, я поневоле отметил удивительное преобразование девчачьей фигуры в мальчишескую – и как только сумела-то? – и выдал печальное:

– М-да.

– Что? – тут же насторожилась Лиза, тоже рассматривая своё отражение в витрине. За ночь она ещё больше осипла. – Что-то не так?

Я вздохнул и принялся объяснять, что, хотя бежевая рубашка в розовую клетку очень мила, это я и в прошлую встречу оценил, но – никогда бы такую не надел, и ровно та же ситуация с джинсами-клёш, да и с белой бейсболкой, если честно, тоже. Безусловно, попытки Лизы найти в своём гардеробе что-нибудь мальчуковое были мне понятны, но поскольку речь шла о том, чтобы Лизе сыграть именно меня, а не абстрактного «Васю Пупкина», её вариант никуда не годился.

Да никакой вариант не годился, но не мог же я отбросить планы погулять с Дасей и тащиться к Арабу!

Если что – я потом всё Арабу объясню. Но не сегодня, не сегодня.

Нам с Лизой пришлось отправляться ко мне домой и долго рыться в гардеробе. Основная проблема заключалась в том, что если разница в росте была не столь принципиальной, то ширина плеч уже по меньшей мере сказывалась. По

счастью, мои старые вещи остались в целости и сохранности в пыльном чемодане на шкафу, и вот они-то и пошли в ход.

Рассматривая самого себя, лохматого, в моей старой любимой чёрной футболке с «весёлым Роджером», невероятно модных когда-то брюках-шортах цвета хаки и чёрных кедах, в которых я щеголял лет в тринадцать и не успел сносить до дыр просто потому, что в тот год у меня внезапно выросла нога, – я не знал, плакать мне или смеяться. Это и вправду был я, только капельку помладше.

Машина времени. Зеркало. Брат-близнец... или глупый маскарад? Я никак не могу определиться.

Впрочем, на тот момент мы с Арабом не виделись уже около полугода, да и предыдущий наш разговор был совсем мимолётен, так что могло и сойти.

– Ну как? – нетерпеливо спросил «я-младший», аккуратно сгребая ногой в кучу ту одежду, которая по некоторым причинам не подошла.

– Неплохо, – оценил я. – Впору мне в психушку ложиться. Раздвоение личности – налицо...

– Так у меня получится?

Я спохватился:

– Голос! Голос у меня всё-таки ниже. Не забывай.

Лиза сначала пыталась басить, потом чихнула, вытащила из кармана брюк огромный, с её точки зрения, мужской носовой платок, высморкалась, после чего расхохоталась и долго не могла успокоиться. Впрочем, от простуды тут как раз и

вышел толк, ведь когда у человека больной, осипший голос, никто не будет удивляться, что он звучит «как-то не так»!

Следующей проблемой стала походка, но как только Лиза сообразила при ходьбе чуть пружинить и «переваливаться, как беременная гусыня», из неё вышел отличный пацан, с двух шагов не отличить. Все эти тонкости и особенности ей давались удивительно легко.

Бесенята в её глазах потирали лапки в предвкушении.

– Так. Араба я последний раз видел зимой, на каникулах. Знаем друг друга года три, познакомились, когда он мне ролики чинил. Если скажет что-то о прошлом – пожимай плечами, у меня память на события так себе, и это все знают, – наставлял я. – Вообще, говори поменьше, авось сойдёт... А, да! Если спросит что-то о родителях – хмурься и отводи взгляд. Тема неприятная.

– А что с ними?

– В процессе развода. Уже лет пять, – отрезал я, отводя взгляд. Поймал себя на этом и невольно улыбнулся: – В общем, примерно как я сейчас. И следи, – поспешно сменил я тему, – в каком роде о себе говоришь. «Я пошёл», «я подумал»... И звать тебя не Лизой.

– А Мишей?

– Редко. Чаще всего Холин. Иногда Михаил, Миха... Вряд ли у Араба кто-то тебе встретится, ну, из тех, кто меня знает. Разве что Саня-Шумахер – мой друг, брюнет такой чубастый... Да, и ещё, если Араб будет спрашивать, скажи, что

вернулся я, то есть ты, позавчера вечером... Так, что ещё может быть? – Я потерел мочку уха, и Лиза, внимательно глядя на меня, повторила мой жест. Это было правильно. – А, вот, вспомнил. Ты пиво – пьёшь?

Лиза изумлённо замотала головой.

Хорошая девочка...

– Ну и правильно, гадость та ещё. Но на всякий случай запомни, что светлое я не люблю...

Я снова задумался, оглядывая своё «отражение».

Вышло у нас с Лизой общими стараниями так похоже, что голова шла кругом. Меня настигла ещё одна мысль, и я её поторопился озвучить, пока не забыл:

– Брюки в шорты не отстёгивай. Впрочем, там и так молния заедает...

– А почему не отстёгивать?

Вместо ответа я закатал левую штанину и продемонстрировал старый шрам от колена до середины голени.

– На роликах очень неудачно упал три года назад, всё себе там стесал. Араб мне как раз после этого их чинил. И ролики я с тех пор... недолюбливаю. Запомнила?

Лиза медленно и серьёзно кивнула. Сглотнула нервно, и тут я спохватился:

– Шея! Кадык у тебя не виден! – Я критически ощупал свой. – Лучше перестраховаться...

Лиза выудила из кучи вещей чёрно-зелёную арафатку, повязала на ковбойский манер, и проблема оказалась решена.

Мы посмотрели друг на друга и тяжело вздохнули. У меня оставалось пятнадцать минут до выхода, иначе я бы опоздал на электричку.

– Как-то так, – неохотно подвёл итог я. – Звони если что, телефон я тебе дал. Удачи!

Лиза торопливо закивала, убрала в карман брюк бумажку с аккуратно перерисованной с клинка арабской надписью и почти бегом выскочила из комнаты. Доказывая, что дурацкая затея имеет право на жизнь, ничего не подозревающий дед окликнул Лизу, выглядывая в коридор:

– Михаил! Мусор выкини!

Я замер у себя в комнате, затаив дыхание, а Лиза, судя по звукам, забрала у деда пакет с мусором, пробормотала, что скоро вернётся, и убежала. Что скоро вернётся, подумал я, это она хорошо придумала. Иначе как бы я объяснял своё появление?

Тихонько затолкав всю одежду вместе с Лизиной в чемодан, я убрал его на шкаф, а после этого на цыпочках прокрался в коридор и громко хлопнул входной дверью.

– Уже вернулся? – вновь выглянул с кухни дед. – Шустрый ты сегодня! Эх, лирика, школьные годы...

Пока дед, нахмурившись, пытался сообразить, что же не то в моём внешнем виде, я торопливо вернулся в комнату, схватил полупустой велосипедный рюкзак и уже окончательно отбыл на вокзал, пообещав вернуться никак не позже, чем на последнем автобусе. А лучше – на последней электричке.

Ну или позвонить.

На душе у меня было при этом беспокойно.

Глава 3. «Эх, лирика, школьные годы!»

День я провёл замечательно. Любые мысли о Лизе выскользнули из моей головы ещё на подъезде к Москве, ведь если она не пишет и не звонит, рассудил я, значит, всё в порядке. Оно и к лучшему, ведь мне в тот момент было совершенно не до неё.

Лучшие мостовые, набережные и мосты столицы, череда кофеен на любой вкус – от модных сетей до маленьких забегаловок, скверы, переулки, широкие проспекты – всё было в тот день к моим услугам. И, разумеется, к услугам скромной девушки по прозвищу Дася, с которой больше всего на свете мне нравилось молча бродить по городу. Не знаю, что в этот момент творилось в Дасиной голове – «мужчины с Марса, женщины с Венеры», – да и сама Дася не торопилась посвящать меня в свои мысли, щебеча про обзор какого-то блогера на сериал, который сейчас смотрела.

Причём я так и не понял, смотрела она сериал или блогера, поэтому просто кивал, почти не вслушиваясь.

По-настоящему важным было другое – гулять, молчать, смотреть на реку и наслаждаться теплом Дасиных губ...

Про какую бы решимость Лизка ни рассуждала, в этот момент я её категорически не понимал. Просто с Дасей, как ни

крути, мне было хорошо, а значит, и менять тут ничего не надо было.

... Таким образом, я мог смело утверждать, что день удался, и всерьёз подумывал о том, чтобы ни на какую электричку вечером не торопиться, а нанести визит вежливости родителям, переночевать у них и возвращаться домой «рано утром, где-то после полудня».

Но увы, столь лиричным моим планам не суждено было в этот день сбыться. История найденного нами с Лизой ножа властно вмешивалась в мою жизнь, переворачивая всё с ног на голову.

Звонок от Шумахера застал меня на Воробьёвых горах. Я стоял на метромосту, Дася рядом крошила вниз, на воду, сухарики, которые вечно жили у меня по всем карманам.

– Да? – поднял я трубку.

Саня задал довольно странный вопрос:

– Ты где?

– В Москве. С девушкой. Что-то случилось? – забеспокоился я. Вдруг подумалось, что деду стало плохо или...

– Н-нет, – не слишком уверенно отозвался Шумахер. – То есть, случилось, но... странное, короче. Ты давно в Москве?

– Где-то в час приехал. А что? Скажи толком, Сань, не томи!

Шумахер засопел в трубку, пытаясь подобрать слова. Крякнул. Шумно вздохнул.

– Слышь, Холин... Если ты весь день в Москве, то кто же

тогда у Ара...

И в этот момент я всё понял. Перебил Саню на полуслове, велел помолчать, успокоиться и «не генерить», а сам, скосив глаза на Дасю, испустил ещё более тяжкий вздох, чем друг, и твёрдо пообещал быть девятичасовым автобусом и тогда всё объяснить. А до того момента, попросил я, совершенно не нужно кому бы то ни было рассказывать о случившемся и вообще подавать виду, что творится что-то неладное.

Шумахер заинтриговано пообещал сгореть от любопытства на Вокзальной площади в ожидании меня, и на этом мы распрощались – сначала с ним, а потом, увы, и с Дасей.

Не могу сказать, что Дася отнеслась к этому решению с пониманием, у неё, оказывается, родители на дачу уехали, и она уже запланировала, что я смогу переночевать у неё...

От этих мыслей внутри ёкнуло.

Но я уже пообещал Шумахеру.

...Какая нелёгкая только понесла этим днём моего друга к Арабу! Именно сегодня, именно тогда, когда там была моя несносная «сестрица» Лиза, недоделанное моё «альтер эго»! Почему только всё сложилось именно так, по самому непростому сценарию из всех возможных?

Ответов на эти вопросы у меня не было, а потолок междугороднего автобуса, который я вопрошал за неимением в прямой видимости небес, загадочно молчал. Неторопливая фортепьянная мелодия, играющая в тот момент у меня в наушниках, не очень соответствовала настроению, зато гармо-

нировала с пронсящимися мимо окон огнями.

Заняться было совершенно нечем, и оттого я принял решение разобраться в ситуации целиком, а значит – со всех сторон.

Обнаружив Лизу «онлайн», я прямо спросил, что произошло, но вместо ответа она торопливо вышла из сети – так, что со стороны это больше походило на бегство. Решив на этом не останавливаться, я раздобыл номер её телефона там же, на страничке «ВКонтакте», и просто позвонил ей. Меня уже начинало подгрызать любопытство пополам с тревогой.

Переупрямить Лизу удалось лишь с третьего звонка, когда она не выдержала и всё же взяла трубку.

– Привет, это Холин. Что там у тебя случилось? – спросил с я бесконечным терпением, готовый уже совершенно ко всему. – Шумахер нагрнулся?

В ответ мне согласно шмыгнули носом.

– Но ведь он же никому не сказал... – утешил я, вспоминая наш разговор. Нет, без звонка мне он точно не спешил бы оповестить мир о своих подозрениях, Саня у нас человек последовательный.

Шмыганье переросло в хлюпанье.

– Я всё испортила... Ничего не вышло-о! – всхлипнула Лиза и бросила трубку. Ни на один из пяти последующих звонков она не ответила.

Пришлось мне довольствоваться малым – то есть, пытаться дремать в автобусе до прибытия в Энск...

Самое удивительное, что на Вокзальную площадь я спрыгнул выпавшийся, бодрый и полный сил. Знакомая нива белела впереди, и произошедшее обещало начать проясняться в самом ближайшем будущем.

Первым делом Саня внимательно меня разглядел, убедился, что я – это я и никто более, и только после этого мы наконец уселись в машину.

Говорить пришлось мне.

Кратко поведав, насколько радужно прошёл мой день, я продемонстрировал завалявшийся в кармане чек за электричку до Москвы, а после повернулся к другу и попросил выслушать внимательно и не перебивая.

Саня кивнул, рассеянно постукивая пальцами по рулю.

– Ты видел не меня. Ну, ты сам это прекрасно понимаешь. Но это не самозванец, я был в курсе, правда. И не прикол. Просто Араб завтра, как всегда, уехал бы, а... – тут я замаялся, не решаясь говорить о Лизе. – В общем, это не совсем моя тайна. Завтра я всё объясню – то есть... мы всё объясним. Честное пионерское, – скомкано закончил я.

– Нет у тебя красного галстука, – хмыкнул Шумахер, но улыбнулся, демонстрируя сколотый зуб, и резко газанул. – Учти, я ждал до этого момента, только ради нашей многолетней дружбы подожду до завтра – но не больше!

– Больше – не понадобится, – заверил я, очень желая самому себе поверить.

До моего дома мы ехали молча. Шумахер так ничего и не

рассказал, но, подумав, я понял, что в его рассказе и нужды нет.

Мгновение третье

В сети тем временем меня поджидали два коротких сообщения от Лизы.

«Я дура».

И «Кажется, я влюбилась».

Распрощавшись с планами на ночь – а до того момента я намеревался отлично выспаться и с утра пораньше опять побегать с дедом, – я устроился с планшетом поудобней и отправил Лизе вопросительный знак. Больше всего я боялся что-то понять в этой ситуации не так.

Лиза, кажется, только и ждала моего появления.

– Не в тебя, – поспешно ответила она мне. Я представил, как торопливо мелькают её пальчики над клавиатурой, ударяя по клавишам одновременно сердито и растерянно. – Неважно. Я просто дура.

И депрессивный стикер-котик.

Я вздохнул, не зная, радоваться мне её объяснению или огорчаться.

Кажется, преобладало второе. Но признаваться в этом не хотелось даже самому себе.

– Лиз, – напечатал я торопливо, – ты хоть объясни, что случилось.

– Я просто... – начала она, и далее пиктограмма карандаша замигала с бешеной скоростью, словно «вконтакт» сам не

знал, пишет моя собеседница или стирает написанное.

До поздней ночи мне пришлось аккуратными вопросами, утешениями, заверениями, что ничего страшного не произошло, и обещаниями, что всё будет хорошо, обязательно будет, обещаю, честное пионерское, – добиваться от Лизы рассказа о событиях этого дня и той таинственной личности, в которую она, по её мнению, влюбилась.

Лиза отвечала мне неохотно, обрывая себя на середине фразы и подолгу замолкая. Я почти чувствовал, как ей разом смешно, очень грустно, досадно, радостно, неловко – целый ком слишком сильных и больших чувств, чтобы все помещалось внутри неё и не выливались наружу сумбурными сообщениями. То она принималась скидывать смешные картинки и анекдоты, то на любой мой вопрос отвечала лишь унылым котиком-стикером, то порывалась что-то писать, но так и не отправляла... Мне тоже было разом и смешно, и грустно – к Лизе нельзя было относиться как-то ровно, однозначно.

Наконец, после долгих уговоров и разговоров, Лиза сумела взять себя в руки и поведать обстоятельно и толково о событиях уже прошедшего к тому моменту дня – время близилось ко второму часу ночи.

Возможно, я бы на месте Лизы вёл себя совершенно иначе. Да я даже не сомневаюсь, что иначе. Любой на её месте вёл бы себя не так, а как-то по-своему, ведь все мы разные и думаем по-разному. Но категорично называть всё случившееся одной большой Лизиной глупостью я бы тоже не стал.

В конце концов, задача была непростая, а Лиза не побоялась, не отступилась, и даже когда, казалось, всё уже было потеряно, она нашла в себе силы продолжить игру хоть чуть-чуть, чем, наверное, спасла и себя, и меня. Или хотя бы дала отсрочку.

И я даже немного гордился ею за это.

Глава 4. Ваш выход, товарищ Штирлиц

Начать рассказ о произошедших в моё отсутствие событиях стоит с того, что Лиза не сразу отправилась к Арабу. Именно поэтому я успел спокойно доехать до Москвы и забыть о нашей аванюре, считая, что всё в порядке, а Лиза тем временем бесцельно шаталась по городу в попытках набраться смелости, рискуя столкнуться с кем-то, кто меня знает. Везением чистой воды можно назвать то, что этого так и не случилось, никто не обратил внимания на бредущего куда-то «меня», а если и обратил, то не заговорил, а если и заговорил, то ограничился бытовым «Привет, Холин!»

Так или иначе, привыкая к своему новому образу, Лиза убрела в совершенно незнакомую ей часть города, проголодалась, пообедала в столовке, которую по описанию я узнать так и не смог, и только на сытый желудок наконец-то нашла в себе силы отправиться на поиски Араба. Дело к тому времени сильно осложнялось тем, что Лиза не помнила, каким путём шла до столовки, и потому совершенно не представляла, куда же ей идти.

При этом карта не грузилась – лимит гигабайтов на телефоне кончился, – а спросить дорогу Лиза боялась и правильно делала: заблудившийся в Энске Холин – это шутка почи-

ще импорта самоваров в Тулу. По счастью, удача ей в тот момент ещё благоволила, и ноги сами вынесли на нужную улицу, прямо под табличку с номером соседнего с мастерской Араба дома. Чудеса случаются, представьте себе.

Араб был у себя, набивал очередному клиенту на плече японские иероглифы. В подобных случаях мне всегда становилось жаль этих любителей экзотики, так как для татуировок наш тату-мастер в своё время выбрал иероглифы «обувь», «неделя» и «мармелад».

Очень, скажу я вам кстати, красиво у него в итоге получилось, особенно «мармелад».

Когда Лиза вошла, и, оповещая об этом, мелодично зазвонила задетая дверью «музыка ветра», Араб как раз заканчивал. Отойдя от клиента, чтобы взять мазь для компресса, он мельком глянул в сторону двери и широко заулыбался, узнавая в Лизе меня.

– Холин, перелётная птица, вернулся! Подожди пять минут – и я весь твой.

Лиза робко кивнула и присела в кресло у окна, нервно теребя бумажку с таинственной надписью в кармане.

Араб и впрямь быстро забинтовал клиенту татуировку, выдал исчерпывающие инструкции по уходу в устной и даже письменной форме, вежливо распрощался и наконец развалился в своём офисном кресле, подкатившись поближе к Лизе и демонстрируя крайнее дружелюбие и полное внимание. Впрочем, первым заговорил он сам, не дожидаясь, пока

Лиза открывает рот:

– Как ролики? Не надумал снова на них встать, а?

Лиза помотала головой. Араб огорчённо поцокал языком и не в первый, как он думал, раз принялся объяснять «мне», что со своими фобиями человек вполне может справиться, стоит только приложить некоторые усилия и преодолеть «панический порог», как он это называл.

В детстве я пользовался более метким выражением «страшно до соплей» – смысл был примерно тот же.

Лиза оказалась слушателем благодарным, развесила уши и внимала. Оно было и понятно, Араб – личность харизматичная, убеждать умеет хорошо, просто я человек упрямый, а поговорка «нашла коса на камень» нашими предками неспроста была выдумана.

Продолжая разглагольствовать о тонкостях человеческой психики, Араб жестом предложил «мне» пива, но Лиза отчаянно замотала головой и чихнула.

По счастью, Араб не любил навязываться – в том, что касалось вредных привычек по крайней мере, – поэтому, не прерывая монолога, подвинул Лизке кружку и глиняный заварник, кивнул на электрочайник в углу стола, а сам перешёл с психологии к тому, что сегодня вечером опять будут «покатушки» его роллерской компании.

Минут через сорок с начала визита Лиза уже была готова согласиться на что угодно, хоть на ролики, хоть на поход в Сибирь автостопом. Впрочем, Араб не стал пока требовать с

неё согласия, ему было довольно и того, что моя роликофобия, как он думал, сдвинулась с мёртвой точки.

Удивительное дело, но он так ничего и не заподозрил... или хотя бы не показывал вида. Вскоре Лиза осмелела и даже стала изредка вставлять в разговор свои короткие «Ага», «угу», «не-а» и «а-апчхи». На вопрос, когда я успел вернуться, ответила верно и даже скрыла своё удивление, когда Араб добродушно начал подкалывать её насчёт «Москвабада». Закономерно всплывшую после этого тему родителей Лиза резко свернула, как я её учил, Араб чему-то понимающе усмехнулся и послушно переключился на рассуждения о том, что в нынешних сериалах жизни и приключений меньше, чем в моей семье – впрочем, тут я бы с ним не согласился.

Ещё часа через полчаса, душевно болтая, Араб с Лизой распили чайник чёрного, как нефть, и вонючего, словно хранился на рыбном складе, чая из личных запасов Араба.

Вкус этого чая – восточного пуэра – мгновенно возник у меня во рту, стоило вспомнить наши прошлые посиделки...

И я невольно порадовался, что на сей раз отдуваться пришлось Лизе.

А она держалась молодцом, куда мне до неё – не плевалась, лицо не кривила, только ужасно боялась, что Араб сядет слишком близко и увидит, что никакой Лиза не я и тем более не мальчик. Но обошлось – к Арабу пришёл очередной клиент. Тяжело вздохнув, что опять пора деньги зарабатывать, Араб залпом допил свою порцию, похвалил Лизу, что

наконец-то она начала ценить нормальные взрослые напитки – и оставил её в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.